

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Г.Ф. БЫКОНЯ

ЗАСЕЛЕНИЕ
РУССКИМИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО
КРАЯ В XVIII В.

2-е издание, дополненное,
осуществленное по первой авторской редакции

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2013

ББК 63.3(253)

Б 953

Ответственные редакторы:

Доктор исторических наук
А.Н. Копылов

Кандидат исторических наук
О.Н. Вилков

Быконя Г.Ф.

Б 953 **Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография** [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – 2-е изд., доп., осуществленное по первой авт. редакции. – Красноярск, 2013. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-555-5

Монография посвящена одной из центральных и дискуссионных проблем сибиреведения, решение которой строится на материале почти не изученного среднесибирского региона. В работе рассмотрены вопросы, связанные с завершением присоединения Верхнего Енисея к России, русским заселением среднесибирской части Московско-Сибирского тракта, миграциями в городах и старожильческих районах.

Книга рассчитана на историков, краеведов, всех интересующихся историей Сибирского края.

ББК 63.3(253)

Издаётся при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследования проблем развития человека на базе Гуманитарной технологической платформы “Инновационный человек” Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 годы.

ISBN 978-5-85981-555-5

- © Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013
- © Быконя Г.Ф., 2-е издание, дополненное, осуществленное по первой авторской редакции, 2013

ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В НАЧАЛЕ XVIII в. СТРОИТЕЛЬСТВО АБАКАНСКОГО ОСТРОГА

С 90-х гг. XVII в. начинается решающий этап в борьбе России за включение части бассейна Среднего и Верхнего Енисея в свои пределы. Рост населения восточных уездов Сибири вызвал острую нехватку продовольствия. Ленско-Илимский земледельческий район не всегда обеспечивал служилых и промысловиков хлебом³⁸. Енисейский район часто не мог дать нужное количество продовольствия, поскольку наиболее благоприятные в земледельческом отношении земли не были освоены. В Красноярском уезде по-прежнему не хватало своего хлеба³⁹. Не случайно в конце XVII в. начался в крупных масштабах сдвиг русского населения Енисейского края на юг и юго-восток⁴⁰.

Вместе с тем в России к концу XVII – началу XVIII в. возросла потребность в пушнине. Из-за перепромысла зверя ее поступление все сокращалось⁴¹, а «заморская торговля», азовские походы, Северная война и хозяйственные предприятия Петра I поглощали громадные средства. Правительство все настойчивее требует от сибирских воевод упорядочения сбора ясака и «приискания новых земель». Это заметил еще С.В. Бахрушин: «В XVIII в. пушнина продолжает играть значительную роль в истории распространения владычества в Сибири»⁴². По-новому в это время Петр I пытается подойти к рудным богатствам Урала и Сибири. Так, в 1697 г. на севере Киргизской земли на р. Каштак, притоке Кии, была обнаружена серебряная руда. По именному указу Петра там поставили Каштацкий острог и в течение двух лет пытались наладить выплавку серебра. Для обеспечения безопасности рудознатцев правительство потребовало энергичных действий против енисейских киргизов⁴³.

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири позволила вести России более активную политику. Неоднократные переговоры и соглашения с главой енисейских киргизов Иреняком и затем его сыном Корчуном в 70–90-х гг. XVII в. показали бесперспективность мирного исхода русско-киргизских отношений при зависимости князцов от Джунгарии. Самые сильные из этих князцов, не желая видеть реальной расстановки

сил, продолжали ориентироваться на Джунгарию, бесплодно истощая тем самым силы своего народа.

Ослабевшая Джунгария, потерявшая часть Восточной Монголии и теснимая с юго-востока Маньчжурским государством, а с юга – казахами, не могла в это время оказать киргизским князьям действенную помощь. Это было важно для России, которая не хотела войны ни с Джунгарией, ни с ее главным врагом – Циньским Китаем, будучи традиционно заинтересованной в добрососедских, в первую очередь торгово-экономических связях с обеими странами. Мало того, хунтайджи Цеван-Рабдан (как и его предшественник Галдан) стремился к сохранению мирных отношений с Россией, так как настойчиво искал у нее военной помощи против растущей агрессии Циньской империи. Вместе с тем в 90-е гг. Джунгария, не желая совсем терять свои позиции в «Киргизской земле», всячески поощряла сопротивление киргизских князцов русскому проникновению в Хакасско-Минусинскую котловину. Особенно усердствовали джунгарские зайсаны – наместники «Киргизской земли». Поэтому в 90-х гг. XVII в. набеги киргизско-джунгарских отрядов на улусы киштымов «белого царя» и русские населенные пункты продолжались. Так, в 1690 г. тубинский князец Шанда захватил Канскую землю. В ответ на последовавший разгром Шанды в 1692–1693 гг. князцы совершили несколько набегов на Красноярский и Томский уезды. Тревожно было в 1698 и 1699 гг. В сентябре 1700 г. несколько киргизских отрядов одновременно напали на Кузнецк и Красноярск⁴⁴.

Активизация киргизских князцов и джунгарских зайсанов дала царским властям повод для ответных решительных действий.

Правда, центральное правительство в 90-е гг. XVII в. не смогло заставить воевод Средней Сибири действовать согласованно. Именной указ от 1697 г. о строительстве острога на Абакане, о чем просили еще в 1690 г. жители Красноярского уезда, остался невыполненным⁴⁵. Только к началу 1701 г. воеводы Томска, Кузнецка и Красноярска согласовали свои действия. В 1700–1701 гг. в результате ответных походов на Абакан объединенных томских, красноярских и кузнецких отрядов во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым (всего 728 служилых) и

томским сыном боярским С. Лавровым (515 чел.) были разгромлены основные силы киргизских феодалов⁴⁶. Особенно удачны были действия красноярских служилых людей во главе с Кононом Самсоновым. В начале лета 1701 г. на р. Ерба отряды Самсонова в трехчасовом сражении разгромили силы алтысарского князца Корчуна, наиболее последовательного противника русских. Победители захватили много пленных, в том числе мать Корчуна и его сестру. Вслед за тем К. Самсонов пошел вверх по Енисею, разбил мелкие киргизские улусы и, перейдя р. Абакан, вторгся в Алтысарский улус. В урочище Изык, выше места впадения р. Уйбат в Абакан, русские отряды были встречены соединенными силами алтырского князя Таин-Иркина и потерпевшего ранее поражение Корчуна. В сражении «киргизы бились не щадя головы своей», но понесли большие потери⁴⁷ и были разбиты.

В результате похода наиболее сильные и послушные Джунгарии князцы потерпели поражение. Это усилило прорусскую ориентацию трудового коренного населения Верхнего и Среднего Енисея, видевшего в подданстве России конец разорительной системе двоеданства и возможность мирного труда. Усилились разногласия в среде киргизских феодалов относительно их дальнейшей политической ориентации.

В этих условиях джунгарский наместник в киргизских улусах Аба-Зайсан пошел на мирные переговоры с русскими властями, пытаясь, с одной стороны, успокоить недовольных князцов, а с другой – получить передышку в борьбе с Россией⁴⁸.

1 июля 1701 г. представитель наместника Аба-Зайсана Юрукта Кашка прибыл в Красноярск с письмом, в котором наместник отмечал, что «крайние киргизские люди» с «великого государя людьми воровство и войны чинят», и предлагал «договориться как жили преж сего в миру и ныне бы также». Аналогичные предложения были сделаны томскому и кузнецкому воеводам. В Красноярске джунгарский посол получил от воеводы П.С. Мусина-Пушкина вполне определенный ответ: «Русские мир заключить готовы, как только киргизы пришлют с аманатов и с киштымов ясак по-прежнему давать станут и отгонных лошадей и грабленные животы отдадут». В таком духе был составлен и письменный ответ, врученный Юрукте Кашке для передачи на-

местнику Абе-Зайсану. Через месяц, в начале августа, в Красноярск прибыло уже целое посольство во главе с тем же Юруктой Кашкой. Он заявил на переговорах, что русские предложения принимаются и добавил, что хунтайджи указал отдать русским «отгонных коней из Красноярска и Кузнецка». С аналогичной речью выступил и представитель киргизских князей Эрке Кардачи. Он заявил, что «киргизские все князцы» поручили ему предложить, чтобы «русские и киргизские люди ссор и войны не вчинали». Эрке Кардачи также передал просьбу князца Корчуна отпустить его мать и сестру. Однако «шертовать» и дать аманатов в качестве гарантии нерушимого и прочного мира посольство отказалось. Юрукта Кашка предложил воеводам послать посольство в киргизские земли для завершения переговоров, чтобы «по их вере князцов и иных лучших людей в том привести к шерти».

Воевода долго не соглашался, мотивируя это тем, что подобные посольства не раз уже отправлялись «в киргизские земли», причем с ними обращались крайне грубо – «морили голодом и всячески ругали». В конце концов Мусин-Пушкин согласился послать посольство из 4 чел. для завершения переговоров и заключения мира.

Послам во главе с конным десятником Романом Торгашиным были даны полномочия для заключения договора с условием, чтобы киргизские князья приняли «шерть» – присягу – «слушать... великому государю и прямить во всем правду по своей вере, до своего живота, со всем родом своим, да они ж бы дали шерть на своих детей, на внучат и на правнучат своих и всех родственников». По сути дела, это было требование об установлении над киргизскими улусами русского протектората, что отвечало требованиям царского правительства.

7 августа русские послы выехали из Красноярска и через девять дней прибыли по приглашению джунгарского наместника Аба-Зайсана в его ставку на р. Нин (приток Абакана). Выслушав русское посольство, наместник хунтайджи обещал, «что дело он сделает», т. е. заставит киргизских князей принять условие.

19 августа посольство Романа Торгашина прибыло на р. Абакан в Езерский улус к князю Шорло Мергену, одному из влиятельных киргизских князей, а с 18 сентября они съехались в Алтысарском улусе с послами из Кузнецка и Томска.

19 сентября Аба-Зайсан предложил «быть к нему в посольскую юрту... посланцам... всех трех городов вместе... для того, что де люди русские одного великого государя и посольство чинить бы в ответах всем заодно».

В переговорах приняли участие «все киргизские князцы» со многими знатными улусными людьми. В первый день обе стороны высказали взаимные претензии друг к другу. Русские потребовали от джунгарского наместника, «чтоб он, Аба-Зайсан, киргиз от воровства унял и отгонные лошади, которые в разных месяцах и числах из-под Красноярска и уезда отогнали и панцири и куяки и ружье побитых людей и знамя, что взято на бою, отдали и в аманаты бы дали Шорлова сына да Бакова сына».

Езерский князь Шорло Мерген-тайчжи, выступая от имени всех киргизских князей, согласился вернуть трофеи, захваченные у русских, если последние возвратят «иноземческие пожитки», взятые в походах 1700 г. Позже в ходе переговоров тот же князь заявил, что киргизские князья не отказываются от сбора дани с канских киштымов и потребовал официального согласия русских властей на то, чтобы «им... с канских киштымов иметь после государева ясаку дань свою железом и топорами и осинами и орловым перьем кроме соболей добровольно, а не сильно и не грабежом». Русские послы отказались обсуждать этот вопрос, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий.

Переговоры затянулись до конца сентября. Киргизские князья в конце концов согласились дать аманатов с езерцев и тубинцев, платить ясак со всех улусов, с 300 лук по соболю с человека, причем для сбора ясака они готовы были допустить «из Красноярска в киргизы добрых людей». Было достигнуто соглашение об обмене пленными и возвращении захваченного имущества и скота. В знак нерушимости заключенного договора «киргизские князцы все шертовали со всеми улусными людьми, а калмыцкий Аба-Зайсан вместо Корчуна шерт пил сам»⁴⁹.

Таким образом, только в 1701 г. Джунгария признала русско-монгольский договор 1663–1665 гг. о сферах влияния на Верхнем Енисее. На территории современной Хакасии вновь официально установилась система двоеданства.

Время, однако, показало, что киргизские феодалы не собирались выполнять торжественно принятые обязательства, особен-

но в отношении выплаты ясака. Не прекращались мелкие набеги на ближние русские селения и «землицы» данников России. Вместе с тем не только хунтайджи, но и джунгарские зайсаны стали понимать безнадежность вооруженной борьбы с Россией. Джунгария в это время продолжала вести тяжелую борьбу с Циньским Китаем, с казахами и тяньшанскими киргизами. В этих условиях хунтайджи с некоторыми киргизскими князьями решает временно отказаться от борьбы с Россией за верховья Енисея, по-прежнему рассчитывая опереться на нее в борьбе с главным врагом – маньчжурской династией⁵⁰. Своеобразным выражением этого отказа была попытка переселить енисейских киргизов во внутренние районы Джунгарии. «И приехали до 2500 калмыков в киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех», – сообщали оставшиеся⁵¹. Однако уведены были далеко не все, но с этого времени русские не встречали на своем пути организованного вооруженного сопротивления местных племен.

В последние годы историки разошлись во взглядах на характер угона енисейских киргизов, роль в этих событиях князцов, численность и дальнейшие исторические судьбы уведенных киргизов. До конца 50-х гг. советские историки считали, что с ведома князцов были уведены почти все киргизы, а на освободившуюся территорию переселились бывшие их киштымы, жившие севернее⁵². Начиная с 1959 г. в ряде статей и кандидатской диссертации хакасский историк К.Г. Копкоев выдвинул другую точку зрения об этом угоне, которую поддержали Л.Р. Кызласов и В.Г. Карцов⁵³. Опираясь на данные новых, хотя и косвенно характеризующих увод хакасов, архивных материалов, К.Г. Копкоев считает, что подавляющая часть хакасов не покидала своей родины. Было уведено лишь около 3 тыс. чел., т. е. 1/4 всех хакасов, из которых половина вернулась в ближайшие годы, а остальные – в 50-е гг. XVIII в. Увод был неожиданным и насильственным не только для рядовых хакасов, но и для многих князцов. Выводы К.Г. Копкоева и его сторонников вызвали возражения у историков Казахстана и Тувы, которые в целом разделяют традиционную точку зрения⁵⁴. В некоторых недостаточно известных и малоиспользованных источниках как русского, так и джунгар-

ского происхождения есть новые сведения об уводе енисейских киргизов и их киштымов.

В сентябре 1721 г. в Петербург прибыл джунгарский посол Борокуган с очередной просьбой о военной помощи против Циньской империи. Во время переговоров обсуждался и киргизский вопрос. По данным Борокугана, в первом десятилетии XVIII в. в Южной Сибири, не считая уведенных, было около 4000 «юрт», или «кибиток», енисейских киргизов и их киштымов, в том числе в Томском уезде – более 1000 кибиток, Кузнецком – более 2000 юрт и Красноярском – около 1000 юрт⁵⁵. Очевидно, сюда вошли те, кто сразу же смог вернуться на родину после увода.

В другом документе, за 1720 г., который был использован Борокуганом, говорится, что в 1704 г. (т. е. после увода киргизов) кузнецкие и томские воеводы стали брать ясак с 1000 «урянской аймаков», причем 300 «кибаков» (кибиток) относились к аймакам «Уйсага, Томьсага, Иргет, Табан, Саин, Белтер, Хапта-ла, Джастер, Эчик, Эть биргю», т. е. в бассейне Абакана и верховьях Томи⁵⁶. В 1732 г. джунгарский правитель Галдан Цэрен также спрашивал о том, отдадут ли ему 300 кибиток «наших киргизов» и 60 кибиток мингатов, которых русские «взяли» в Томском и Кузнецком уездах. Сибирский губернатор А. Плещеев назвал этот вопрос «неприличной претензией», так как енисейские киргизы были в российском подданстве⁵⁷.

С этим известием частично перекликаются данные кузнецких ведомостей, составленных для посла Саввы Рагузинского, о том, что «киргизы, которых жили по сей стороне Саянского камня на Абакане реке в прошлом 703 году взяты к контайше, а на той земле живут ныне... кузнецкие ясашные иноземцы... волостей Бельтирской и Сагайской, которые и раньше жили смежно с киргизами и промыслы имели воопче с показанными киргизы». От Кузнецка до сагайских юрт на Абакане было семь дней пути по воде⁵⁸. Интересно, что в документе четко различаются киргизы и ясачные бельтиры и сагаи, которые избежали увода (300 юрт).

В донесении 1732 г., посланном из Красноярска в Тобольск (копия его стала известна Г.Ф. Миллеру), сообщалось, что «Езерской и Алтысарской земли киргизы со своими улусными людьми кочевали по Абакану, по Енисею и Июсу рекам, были мун-

гальского владения и платили ясак Красноярску». Затем «означенные изменники киргизы откочевали к калмыцкому контайше в дальние места, а именно: которые кочевали по Енисею и Июсу рекам – все без остатку, а прочих землиц тубинцов, маторцов, кайбал осталось 300 луков да кайбальские ж тубинские маторские ясашные люди, которые с киргизы к измене не приставали и от калмыцкого нашествия откочевали за Саянский камень в каменные моторы». Позже, когда «тубинцы, кайбалы и протчих землиц остальцы утвердились ясашнем платежом в Красноярск», вернулись на свои урочища и их ясачные люди. В выписке из ясачных книг 1704 г. по Красноярскому уезду значилось в платеже 19 киргизов, а 23 показаны изменниками, которые, «не заплатя ясаку, изменили и откочевали в дальние места»⁵⁹. Вероятно, в этом случае речь шла о князцах-родоначальниках.

Приведенные документы называют только две собственно киргизские землицы: Езерскую и Алтысарскую. Киргизы обитали в основном на территории, вошедшей в Красноярский уезд. Тубинцев, моторцев и койбал иногда называли киргизами, и у них имелись свои ясачные. Увода избежала почти половина жителей юга Средней Сибири: часть киргизов и их улусных людей, кочевавших по Среднему Абакану, 300 луков тубинцев, койбал и моторов и их многочисленные киштымьы, 300 ясачных кузнецких бельтир, сагайцев, живших в верховьях Абакана, обитатели почти 700 урянхайских (саянских) кибиток. Князцы основных землиц находились в сговоре с хунтайджи, и их улусы «откочевали», а князцов прочих улусов и их киштымьов «взяли к контайше», т. е. увели насильно. На территории Красноярского уезда многие левобережные киргизы ушли или были уведены князцами, а основная масса их киштымьов, особенно на правобережье Енисея, осталась на родине. Поскольку Россия до конца 20-х гг. XVIII в. не поднимала вопрос о возврате уведенных, а угон не коснулся правобережья, где числилось 300 луков киргизов, то это еще раз доказывает существование русско-монгольского соглашения 1662–1665 гг. о сферах влияния на Енисее, которое признала Джунгария в 1701 г.

После увода части енисейских киргизов у местного населения Минусинской котловины значительно усилились прорусские

симпатии. «Остальцы» стали переходить в российское подданство. Противодействие некоторых оставшихся князцов было сломлено в 1704–1705 гг. походами томских, кузнецких и красноярских казаков. «Возвращенцы» уже только с Россией связывали свои надежды жить на родине и заниматься мирным трудом. Поэтому они и трудовое коренное население вновь обратились к русским властям с просьбой построить на их земле острог, «чтоб им жить под великого государя державой безопасно»⁶⁰.

Центральное правительство, осведомленное о событиях в Присяянье, требует от местных воевод выполнения указа 1697 г. об основании острога на Абакане⁶¹.

После именных указов от 6 июля, 22 декабря 1706 г. и 27 февраля 1707 г. в Томск и Красноярск, а также указов в Енисейск и Кузнецк в уездах развернулась конкретная подготовка к строительству острога. Указы предписывали воеводам выделить 1000 чел. служилых людей с «огненными, полковыми и железными припасами к городовому строению» (400 служилых из Томска, 300 – из Красноярска, 200 – из Енисейска и 100 – из Кузнецка).

Для «того острожного строения, надсмотру над служилыми людьми и пашенными крестьянами» повелевалось послать из Сибирского приказа особый «наказ», в котором предписывалось «на р. Абакан в пристойных местах, где б от внезапного неприятельского приходу было безопасно и к селению крестьян осмотра пригородные и хлебородные места в близости к лесам и ко всяким местам... поставить острог»⁶².

Центральное правительство входило во все детали подготовляемого похода. Согласно указу Сибирского приказа от 21 марта, «хлебный запас» следовало взять в Енисейске. Сборными пунктами для служилых людей были Томск и Красноярск.

Через полгода интенсивной подготовки из этих городов выступила почти 1 тыс. служилых с различными припасами. Томские и кузнецкие служилые люди во главе с И. Цицуриным пошли «сухим путем» через степи с обозом из 15 телег. Енисейские и красноярские служилые разделились на две группы. Основная масса служилых во главе с енисейским сыном боярским Василием Чемесовым поплыла вверх по Енисею, красноярцы – на 8 парусных дощаниках, енисейцы – на 9. Так как казенных дощани-

ков не хватило, то многие поплыли на своих лодках и «каюках». По доношению Ильи Цицурина, красноярские служилые прибыли на 80 судах, а енисейские – на 50⁶³.

Небольшой же конный отряд в 70 чел. во главе с красноярским сыном боярским Кононом Самсоновым 9 июля направился по правой стороне Енисея «... тайгою, ельником, грязями, камнями и степью» кратчайшим путем к р. Котку-Карасу, которая впадает слева в Енисей против р. Бирь «у камня Батенев бык или Иржи». Там он должен был встретиться с отрядом И. Цицурина. От устья Маны К. Самсонов приказал «ополчаться войсковым ополчением... а при ночевке учинял по воинскому обыкновению табор, ставил отъезжие и становые караулы», так как дальше вверх по Енисею пошли «немирные киргизские землицы»⁶⁴.

На одиннадцатый день пути отряд К. Самсонова, переправившись через Енисей недалеко от камня Батенев бык, соединился с томскими и кузнецкими служилыми людьми. После длительного обсуждения, где заложить острог, 21 июля объединенный отряд, соблюдая все меры предосторожности от нападения, медленно двинулся вверх по Енисею. Еще на подходе к р. Абакан «для обыска» места под «острожное строение» был дослан специальный отряд из 80 чел. 27 июля И. Цицурин и К. Самсонов уже были в назначенном месте и четыре дня ждали дозорщиков, которые, вернувшись, объявили, что на р. Абакан, особенно в ее устье, «место низменное и места для хлебного обзаводу нет»⁶⁵.

Посоветовавшись вновь «меж томскими, кузнецкими и красноярскими людьми», И. Цицурин с К. Самсоновым решили «отступить» от р. Абакан и ставить острог ниже по Енисею. Место было выбрано «на 20 верст от устья Абакану... пониже камня Турану на правой стороне во близости к лесам и к селенью пригодное, а во близости того места есть хлебородные места малое число». Однако на пути к намеченному месту им предстояло преодолеть Енисей. К. Самсонов в донесении сообщает любопытные подробности о переправе: «... делали 29 лодок и на те лодки тес тесали и делали паром и переправлялись за реку Енисей августа 2 числа»⁶⁶. На следующий день прибыли по Енисею остальные енисейские и красноярские люди, которым И. Цицурин тотчас «учинил смотр». Вместо 200 енисейских служилых насчитыва-

лось уже 170. Все красноярские и енисейские казаки имели пищали и по 1 фунту свинца и пороха. Так как 3 «нетчика» было из томских служилых и 4 – из кузнецких, то всего в строительстве Абаканского острога участвовало 964 служилых. Кроме того, из Кузнецка были взяты бронник, из Томска 2 подъячих, 2 кузнеца и бронник, из Енисейска – 2 кузнеца и умелец «для всяких нужд и поделок»⁶⁷. С собой они привезли значительное число различных «припасов». Укрепление поставили быстро, всего за пять дней (с 4 по 9 августа)⁶⁸ так как и рабочих рук и инструментария, как видим, было достаточно.

И. Цицурин в своем донесении в Сибирский приказ дал подробное описание новопостроенному острогу: «А тому острогу длина 50 сажен, ширина 33 сажени, вышина 2 сажени печатных. По углам сделаны 4 башни. Пятая башня проезжая большая в степь с верхним и нижним боями да к реке Енисею ворота створчатые. Все крыты тесом. А в нем часовня, государев двор – 2 избы, меж ними сени, изба судная с сеньми, 3 амбара: хлебный да соболиной казны и зелейной (пороховой – Г.Б.). Под ним погреб трех сажен; 20 войсковых казачьих изб, мерою по 4 сажен, все крыто тесом же. Да около того острогу ров (отступив. – Г.Б.) три сажени печатных, а рву ширина – 1 сажень, глубина тож. За рвом, уступя сажень семь деланы круг острога двойные надолбы»⁶⁹. Из донесения Конона Самсонова мы узнаем новые подробности и уточнения: «Все крыто тесом в зубцы». Построенную часовню с трапезной назвали Богоявленской. В государевом дворе, состоящем из двух изб, одна изба была «белая», другая «черная». Над хлебным амбаром «сделан амбар государев для соболиной казны». Другой амбар, зелейный, в «3 сажени ручных и под ним погреб». «Казачьи избы (мерою. – Г.Б.) по три сажени печатные»⁷⁰, а не по четыре, как доносил И. Цицурин. На каждой башне установили пушки. В хлебном амбаре сложили 174 мешка ржаной муки, всего 692 пуда – остатки хлеба после раздачи хлебного жалования томским и кузнецким казакам, оставленным в гарнизоне острога⁷¹.

Позже, в последующие два года, укрепления усилили: ров расширили и углубили; протяженность его увеличилась до 32 сажень, а ширина – до 2 сажен⁷².

Одновременно с постройкой острога Илья Цицурин и Конон Самсонов заботятся о «приведении под высокую государеву руку немирных землиц». Они посылают шестерых красноярских служилых людей во главе с Романом Торгашиним в окрестные улусы. К 30 августа Торгашин привозит в острог «лучших людей 20 человек». По донесению И. Цицурина, старейшины и князцы представляли 11 улусов, а по рапорту К. Самсонова – 8, в которых насчитывалось 280 чел. Очевидно, последняя цифра точнее, ибо И. Цицурина в то время в остроге уже не было⁷³. В результате переговоров «лучшие татары» обещали платить по 6 соболей с человека, дали 2 аманатов из «лучших родов», договорившись менять их ежемесячно.

С основанием Абаканского острога (с. Краснотуранское, ныне в зоне затопления Красноярского водохранилища) в подданство России были приведены оставшиеся после угона енисейские киргизы из ближних к укреплению улусов Тубинской землицы. Судя по значительным масштабам экспедиции, мерам предосторожности в походе и при строительстве острога в верховьях Енисея большинству енисейских киргизов, как полагало правительство, удалось избежать «угона» в Джунгарию. Местные и центральные власти со строительством Абаканского острога не считали край присоединенным. Поэтому там «... на житье до указу» был оставлен значительный по тем временам гарнизон в количестве 375 чел. Одновременно в новопостроенный острог разрешили переселиться всем «охочим казачьим детям и оставным служилым» с семьями. Однако служилые тоже не верили в «замиренность» Киргизской землицы, поэтому местные власти не смогли выполнить ни эти, ни более мягкие предписания относительно службы и поселения в Абаканском остроге⁷⁴.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРИСОЕДИНЕНИЯ

События последующих лет показали, что до полного замирения с населением Северного Присяянья еще далеко. Повторялись набеги киргизов на ясачные землицы. Непокойно было на границе соседнего Кузнецкого уезда, куда неоднократно приез-

жали за ясаками киргизские князцы и джунгарские зайсаны⁷⁵. С 1713 г. Джунгария вновь стала претендовать на территорию по Верхнему Енисею, Томи и Иртышу⁷⁶. В то же время правительство получало донесения из Красноярска и других восточносибирских городов о враждебных военных демонстрациях со стороны Циньской империи⁷⁷. Тревожная обстановка сказывалась и на сборе ясака. В те годы в Красноярском уезде собирали едва половину окладной пушнины. Судя по выпискам из ясачных книг, в 1717 г. вместо 246 сороков и 30 соболей взято 140 сороков и 10 соболей, а в 1718 г. из 218 сороков 8 соболей недобрано 135 сороков 21 соболя⁷⁸. Ясачные Кайсотской, Саянской, Канской, Камасинской и Удинской земель часто откочевывали за «Камень», т. е. за Саянские горы в Монголию. В копиях с различных документов, хранящихся в портфелях Г.Ф. Миллера, подлинниками которых в 1726 г. пользовался красноярский воевода Д.К. Шетнев «... К письменному и устному разговору о делах пограничных...» для ответа послу Савве Владиславовичу Рагузинскому, значилось, по неполным сведениям за 1709–1726 гг., до 140 ушедших за «Камень» ясакоплательщиков⁷⁹. Ясачные книги тоже свидетельствуют об откочевках. Если в 1709 г. числилось в уезде 1746 ясачных людей, то в 1718 г. их было 1573⁸⁰.

Правительство Петра I предпринимает в 1715–1718 гг. меры для пресечения ухода ясачных за Саяны и территориальных притязаний маньчжурских и джунгарских феодалов. В 1716 г. у оз. Косоголь ставится острог⁸¹. В 1717 г. гарнизон Канского острога усиливают за счет переселения 20 семей беломестных казаков⁸².

Одновременно делаются попытки закрепиться в верховьях Енисея. В исторической литературе, вслед за И.Г. Гmeliным⁸³, основание Саянского острога без какой-либо аргументации ошибочно относят к 1709 г. Обнаруженные нами копии различных документов, снятые по требованию Г.Ф. Миллера в Красноярском архиве в 1735 и 1741 гг., свидетельствуют, что это произошло в 1718 г. Еще при Г.Ф. Миллере в Красноярской воеводской канцелярии хранились два указа за апрель 1716 г. и указ от 6 июня 1717 г., которые свидетельствуют, что Петр I и сибирский губернатор М.П. Гагарин в 1715–1716 гг. предписывали комендантам Козлову и Зубову тщательно обследовать русло Ени-

сея в Саянах, «провесть про р. Кандарь» и наметить места под два острога: «город рубленый или земляной» вблизи Саян и город за «Каменем» в устье реки «Кемь» (Хемчик)⁸⁴.

В апреле – августе 1716 г. это обследование провел отряд в 30 чел. во главе с красноярскими детьми боярскими Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. В своем «доезде» они дали первое подробное географическое описание Енисея в Саянских горах. Перечислив все препятствия на водном пути, указав ширину Енисея и характер местности, где решено ставить остроги, казаки отмечали, что «Большой Саянский порог... большими судами и легкими лодками» вверх и вниз «никоторыми мерами невозможно» пройти. «К городовому же строению у того порогу, – говорилось в “доезде”, – место каменное и меж камен расселины шириной по сажени и по две и больше, а лесу на строение довольно, а стоячего острогу (защитных укреплений. – Г.Б.) ставить нельзя, для того, что место каменное, а ис под порогу волоку через гору тою камень мерою 145 сажен». От порога до устья Кеми казаки добирались еще пять дней. Они сообщали, что «устье Кеми не на выходе Саянского камени... а до выходу Камени половина дня... где Енисей шириной в 130 сажен». По их мнению, острог ставить в устье тоже нецелесообразно – небольшую степь, длиной в одну версту и в ширину 300 сажен, окружали безлесные горы, а по берегам реки и островам рос только «тополиник»⁸⁵. 6 июня 1717 г. М.П. Гагарин отдал распоряжение красноярскому коменданту Зубову о строительстве двух острогов «выше Абаканского острогу у Саянского камени и за Саянским каменем». Предписывалось также «Абаканск умножить людьми» за счет перевода 50 енисейских казаков⁸⁶. В том же 1717 г. воеводская канцелярия выдала 2 руб. 10 алтын «на покупку лодок в отпуск под Саянский камень».

Непосредственная подготовка к строительству острога была возложена на приказчика Абаканского острога сына боярского Андрея Еремеева. Сохранилась копия его донесения за 1718 г., в котором он просил коменданта Дмитрия Зубова отпустить все необходимые припасы к «острожному ставлению»⁸⁷.

Ранней осенью 1718 г. красноярский дворянин Илья Нашивошников с 300 казаками поставил Саянский острог на правом

берегу Енисея, у подножия Саян, в 120 верстах южнее Абаканского острога, на несколько верст севернее «означенного в 1716–1717 гг. для этих целей места»⁸⁸.

Очевидно, И. Нашивошников после постройки острога послал донесение с чертежом, но эти материалы не обнаружены. Более поздние описания острога в 1735, 1741–1742, 1772 гг. позволяют восстановить характер его укреплений, внешний и внутренний вид. Это «одно строение, вокруг острога заплот рубленой в лапу. По углам 4 башни, пятая башня проезжая – к бору, а к Енисею реке – ворота проезжие и вокруг одного острога выкопан ров и позади рва – надолбы. А в том месте имеется 2 избы (государев двор. – Г.Б.), да 4 избы под башнями, 2 анбара да анбар на берегу Енисея»⁸⁹. Острог занимал площадь 50 кв. сажен, т. е. он был меньше Абаканского в 3 раза⁹⁰. На четырех угловых башнях были установлены пушки, одна из них медная, две калибром двухфунтовые, две другие – фунтовые, общий их вес – 29 пудов 30 фунтов. После постройки в нем были оставлены различные припасы. Гарнизону острога, как и абаканскому гарнизону, вменялось в обязанность выставлять в южном направлении отъезжие караулы.

Красноярцы, опасаясь новой обременительной службы за Саянами, упорно выступали против строительства острога в устье Хемчика за непроходимым Большим порогом. Вероятно, в связи с этим в Красноярске осенью 1717 г. побывал проездом сибирский губернатор М.П. Гагарин. Сведений о его распоряжениях по этому вопросу нет, но известно, что жители ему поднесли «древние вещи» из могильных курганов, а М.П. Гагарин отдал им 25 ведрами простого вина⁹¹. Может быть, алчного губернатора, которого позже повесили за лихоимство, больше убедили щедрые подношения, чем доводы, но в начале 1718 г. в Красноярск прибыл указ о строительстве острога уже у Большого порога⁹². Однако укрепление так и не построили: в конце 1717 г. М.П. Гагарина отозвали в Петербург, а все его распоряжения были поставлены под сомнение.

Почему правительство намеревалось в устье Хемчика «делать город»? Чтобы перекрыть по Енисею проход через Саяны в Монголию, достаточно было одного форпоста у Большого порога или

на Енисее перед «Каменем». Вероятно, замысел не ограничивался созданием острога для дальнейшего продвижения за Саяны. Указами повелевалось собрать сведения о судоходности Верхнего Енисея, количестве порогов и шивер, времени следования до Хемчика и местоположении р. «Кандарь». Правительству было известно о постоянных еще с XVII в. поездках бухарских и монгольских купцов через Саяны в Красноярск, Кузнецк и Томск⁹³, и есть основания предполагать, что оно рассчитывало через Енисей завязать прочные торговые связи с Монголией и Китаем. «Городу» в устье Хемчика отводилась роль крупного торгового пункта, каким, например, позже стал в Восточной Сибири Кяхтинский форпост. Полученные сведения о непроходимости «большими судами и легкими лодками» Большого Саянского порога и сопротивление красноярских служилых заставили правительство отказаться от этих планов. Следует отметить, что их постановка Петром I по времени совпадает с экспедицией полковника Бухольца и походом Лихарева и очень характерна для политики петровской России на восточной ее окраине. Но эти планы относительно верховий Енисея удалось осуществить лишь в конце XIX в. В итоге же был поставлен только Саянский острог с гарнизоном из 100 казаков-годовальщиков для обеспечения безопасности присоединенного Хакасско-Минусинского района.

Строительство Саянского острога относится к заключительному этапу присоединения южной части Приенисейского края к России. Созданная система укреплений на юге и мощная естественная преграда – Саянские горы – обеспечили относительно спокойную обстановку, хотя полностью откочевки хакасов пресечь не удалось.

После смерти Петра I правительство верховников при Екатерине I отказывается от активной политики в Южной Сибири, несмотря на обострение русско-китайско-джунгарских отношений при молодом богдыхане и разорение Косогольского острога, ибо «земля им, китайцам, принадлежит». Китайская сторона также требовала выдачи 700 «мунгальских реребезчиков». Обстоятельно осветил русско-китайские отношения в этот период Н. Бантыш Каменский⁹⁴.

Для снятия спорных пограничных вопросов и установления регулярной торговли было решено снарядить посольство, благо был повод – поздравить нового богдыхана с приходом к власти. Возглавил посольство с 18 июня 1725 г. действительный статский советник, иллирийский граф Савва Лукич Рагузинский. Этот незаурядный человек прибыл в Россию в 1702 г. из Константинополя торговать деревянным маслом, кумачом и бумагой и намеревался установить морской путь из Черного моря в Москву. Это отвечало намерениям Петра Великого, который разрешил предприимчивому греку 10 лет торговать и приблизил к себе. После Полтавской виктории в 1710 г. Савва Лукич стал надворным советником и получил на Украине поместье. Он сопровождал Петра I и в неудачном Прутском походе и по поручению царя ездил в Рагузу объясняться с южными славянами и разведывать намерения турок. Миссия очевидно была успешной, и Пётр I возвел его в графское достоинство.

Этот один из «птенцов гнезда Петрова» в ранге чрезвычайного посла и полномочного министра, согласно инструкции из 45 пунктов, должен был согласовать с китайской стороной общую границу и договориться «о взаимной свободе торгов, пропуске и вывозе ежегодно разных товаров повольной ценой». Посольство двинулось в путь из столицы на Неве 25 октября и прибыло в Иркутск только 5 апреля 1726 г. В Сибири к нему присоединились традиционный торговый караван и 800 солдат во главе с полковником Бухгольцем. Через месяц посольство вновь двинулось в путь и достигло договоренного места на речке Буре в 10 верстах от Кяхты 24 августа 1726 г. Однако китайцы не пропустили до Пекина ни епископа Кульцицкого, ни торговый караван.

Несмотря на торжественную встречу в столице, С.Л. Рагузинскому пришлось несладко. Переговоры затянулись на семь месяцев. Состоялось 30 заседаний, на которых, как пишет знаток русско-китайских отношений Н. Бантыш-Каменский, ссорились устно и письменно и на каждую статью договора было до 20 вариантов. Камнем преткновения, естественно, была граница. Китайская сторона, следуя купеческому принципу заламывать за товар первоначальную цену по максимуму, требовала провести границу аж по Ангаре. Савва Лукич твердо держался инструк-

ции, по которой следовало в случае отказа китайцев установить новую границу, оставаться на условиях Нерчинского договора 1689 г., но земли с русскими крепостями и селениями ни в коем случае не отдавать. После неудачной попытки подкупить русского посла с восьмого заседания перешли к угрозам уморить в тюрьме, выгнать в голодную степь, выслать с бесчестьем из страны и т. д. Грубо нарушая законы гостеприимства, посольству и лично С.Л. Рагузинскому больше месяца не выдавали обычное содержание. Пришлось кормиться за свой счет. Для покупок даже посольский огромный столовый сервиз перелили на серебро. В конце концов решили на месте провести размежевание, и богдыхан назначил своего зятя Цырен Вана и трех министров. Заминка с отъездом посольства произошла из-за болезни посла, но его быстро поставили на ноги исусные местные врачи.

На Буре обе договаривающиеся стороны встретились вновь 14 июня. И снова два месяца длились споры. На этот раз китайская сторона претендовала на территории до Красноярска, выставляя себя наследницей енисейских киргизов и еще не подчиненной Джунгарии, с которой продолжалась война. На это С.Л. Рагузинский отвечал, что монгольский Алтын хан ещё «лет 90 в подданство России передался» и предъявил «списки с трактатов присяг 1634 г. алтын хана и его сына Лоджана». Это помогло умерить аппетиты китайских представителей. По крайней мере, в своем кратком отчете Сенату посол счел необходимым упомянуть, что эти важные документы найдены, когда он был в Красноярске, «неусыпными трудами тогда бывшего коменданта Дмитрия Щетнева». Наконец 20 августа обе стороны согласились подписать Буринский договор о границе по линии от Шибан – Дабаго до Аргуни. От Кяхты на запад «разводил границы» пограничный комиссар, комнатный стольник Степан Колычев, получивший для солидности чин бригадира с жалованьем в 1500 руб., а с китайской стороны – Дарамба Бесыг-Сек. 27 октября С. Колычев обменялся «разменным письмом» с Дарамбой, в котором были показаны 24 парных пограничных знака. С.Л. Рагузинский еще 3 месяца до 13 ноября жил в палатках на Буре, ожидая китайских министров с «главным трактатом» из Пекина. Однако китайская сторона самовольно изменила условия дого-

вора, показав бассейн Уды своим владением. Савва Лукич на это объявил, что будет и 7 месяцев дожидаться истинного договорного трактата. Новый исправленный договор привезли только 4 апреля уже 1728 г. в Кяхту, где находился посол. Казалось, все препятствия устранены для его подписания, но китайская сторона захотела удостовериться идентичность текста договора на русском и латинском языках китайскому подлиннику. Тексты в Пекине сверяли еще 40 дней. Только 14 июня 1728 г. произошел обмен трактатами из 11 статей. Китайской стороне все же удалось оставить «восточные около реки Уды и каменные горные места «неразделенными, то есть вопрос об Амуре решился только в середине XIX в. На запад от Кяхты С. Колычеву удалось значительно южнее передвинуть границу. Так, в «Сказке бывших при разграничении» засвидетельствовано: «...от Мунгальского владения заграничены многия земли, которыя никогда не бывали; а именно: от реки Хан тенгри в разстоянии верховою ездою в длину дней на восемь; а в широтою до реки Абакану дни на три; а те места во владении Российской империи никогда не бывали... И с такою учиненною и пространною границею подданные российские ясашные люди, а також и русские промышленные весьма довольны и радостны». В верховьях Енисея пограничные знаки в виде каменных гурьев и караулов, а при них с ясачными иноземцами учредили в восьми местах: «18. Тенгис реки на вершине, на хребте Эргин Тагак Тайга, на левом конце. 19. На вершине Бедикема реки, на хребте Торос Дабага. 20. На хребте Эргин, Таргак Тайга, на правом конце, на вершине Уса реки, на хребте Кызынмеде. 21. Ус реку пересекли по течению на правой стороне. 22. На хребте Хонин Дабага. 23. На устье реки Кемкем Бом. 24. На Шабин Дабага». Собственно граница условно проходила посередине широкой полосы между парными противоположными знаками с русской и китайской стороны. Это способствовало в целом спокойной обстановке в верховьях Енисея, которая сохранялась до конца XVIII в. Поэтому сооружение пограничной системы крепостей, форпостов и караулов здесь затянулось до 60–80-х гг. и не приняло такого размаха, как в южных районах Западной Сибири. Отпала, естественно, необходимость в крупных гарнизонах на Верхнем Енисее. Поэтому уже в 1728 г.

численность гарнизона в Абаканском остроге была уменьшена вдвое, а в Саянском остроге сокращена со 100 до 60 чел.⁹⁵

Итак, процесс присоединения к Российскому государству юга Приенисейского края, прогрессивный для его коренных обитателей и отвечавший насущным нуждам русского населения Средней Сибири, затянулся на 100 лет. Завершающий его этап пришелся не на первое десятилетие XVIII в., как утверждалось в литературе, а на конец второго десятилетия. Именно в это время петровское правительство строительством острогов на оз. Косоголь (1716 г.) и у самих Саянских гор (1718 г.), а также увеличением численности гарнизонов существовавших укреплений окончательно закрепляется в Северном Присяянье. После неудачной попытки сразу проникнуть в Засаянье (ныне Тува) русские власти стали стремиться к закреплению и оформлению достигнутого положения. Это было осуществлено через несколько лет в результате заключения Кяхтинского мира.

Примечания

- ¹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, с. 105–121, табл. 2.
- ² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, т. 1; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. – Тр. Томс. гос. ун-та, 1950, т. 112; Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Иркутск, 1956; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 430; Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964, с. 172.
- ³ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, с. 250–251; Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 322.
- ⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М., 1960, с. 228–270.
- ⁵ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII в. Фрунзе, 1956, с. 15.
- ⁶ Копкоев К.Г. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1969, вып. 13, с. 25–30.

- ⁷ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 13–14.
- ⁸ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в..., с. 82,88–89, 241; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 298; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), с. 93.
- ⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 40; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. – Науч. тр., М., 1955, т.3, вып. 2, с. 205.
- ¹⁰ История Тувы. М., 1964, т. 1, с. 214.
- ¹¹ См. напр: Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 203–204; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 49–50.
- ¹² Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 204–205.
- ¹³ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 50–52.
- ¹⁴ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 206–209; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 40–42; Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России. Дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. М. – Абакан, 1965, с. 129; История Тувы, т. 1, с. 208.
- ¹⁵ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 223, 257, 266; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 52.
- ¹⁶ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 135.
- ¹⁷ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 13–43.
- ¹⁸ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 3–5 об. (выписки из ведомостей сибирских о русско-джунгарских делах). Б.О. Долгих считает, что в 1658–1667 гг. все киргизы Езерской и Алтысарской землиц еще платили ясак России (см.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 223).
- ¹⁹ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 147–150; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 43–44; История Тувы, т. 1, с. 210.
- ²⁰ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 142–146.
- ²¹ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 44.
- ²² Факт физической расправы над Лоджаном без комментария приводят И.Я. Златкин и К.Г. Копкоев (см.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 217; Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 151).
- ²³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 218–275.

- ²⁴ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 209–210; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978, с. 55–58.
- ²⁵ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 210–220; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 44–50.
- ²⁶ ДАИ, т. 8, № 44, ч. I, с. 149–150; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 54.
- ²⁷ ДАИ, т. 6, № 93, с. 319–320.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 41; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212.
- ²⁹ ДАИ, т. 7, № 72, ч. 2, с. 334; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 55, примеч.122.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 1, 2 об.; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 212.
- ³¹ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 216–220.
- ³² ДАИ, т. 3, ч. 1, с. 151–152.
- ³³ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 172–187.
- ³⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 218–275; Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Отношения Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. – Вопр. истории, 1979, № 3, с. 51.
- ³⁵ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 5об.
- ³⁶ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 198–199.
- ³⁷ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 221.
- ³⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня, т.1, с. 569–571.
- ³⁹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), с. 155.
- ⁴⁰ Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 93–99.
- ⁴¹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в., с. 104–105, 231–259, табл. 12, 14, 18.
- ⁴² Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до первой половины XIX в. – В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922, вып. 2, с. 45.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 271, кн. 854, л. 509–532; оп. 1, д. 3278, л. 190–191; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 173; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 222; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 57–58.

- ⁴⁴ См. об этом: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 128–129; Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Отношения Китая и России с Джунгарским ханством..., с. 51–52; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 222; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 57–58.
- ⁴⁵ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 203–204.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 4; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38, 40.
- ⁴⁷ Памятники сибирской истории. Спб., 1882, кн. 1, № 39.
- ⁴⁸ Этот сюжет подробно рассмотрен А.А. Арзыматовым (см.: Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38–40).
- ⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 642, л. 4; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 38–40.
- ⁵⁰ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 329–330.
- ⁵¹ Чтения ОИДР. Спб., 1866, кн.4, с. 128.
- ⁵² Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1926, с. 8–9; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 223–224; Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; с. 62; Он же. Происхождение и формирование хакасской народности, с. 161–163; Александров В.А. Русское население Сибири..., с. 59.
- ⁵³ Копкоев К.Г. Добровольное присоединение Хакасии к России. – В кн.: 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959, с. 19–37; Он же. Присоединение Хакасии к России, с. 225–237; Он же. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII в. – Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, Абакан, 1965, вып. 11, с. 75; Кызласов Л.Р. Еще раз о терминах «хакас» и «киргиз». – СЭ, 1971, № 4, с. 59–67; Карцов В.Т. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970, с. 4.
- ⁵⁴ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 7, 71–73; История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, т.1, с. 5, 121–132, 150–160; Сердобоев Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 140–142; Он же. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. – СЭ, 1971, № 4, с. 56–57; см. также: Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 133–138.
- ⁵⁵ ЦГАДА, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 26 об.
- ⁵⁶ ЦГАДА, ф. 130, оп. 1, д. 1 (1658–1720 гг.), л. 2 об. – 6 об.
- ⁵⁷ Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 80.

- ⁵⁸ ЦГА МИД, оп. 113/1, 1750 г., д. 1, л. 36 об. –37 об. (Зюнгорские дела).
- ⁵⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт.481, тетр.5, л. 46–46 об. (справка Красноярской воеводской канцелярии 1735 г. на вопрос анкеты Г.Ф. Миллера, составленная на основе копий документов XVII в.; копии доношения 1732 г. в Тобольск для посольства Угримова с выписками из ясачных книг 1704–1732 гг.; сказки ясачных татар и «старых красноярских людей, а потому сведомых»). Следует отметить, что в обширной «выписке из ведомостей сибирских», сделанной в 30-х гг. XVIII в. для сибирского губернатора и послов, направившихся в Джунгарию, описание увода ошибочно отнесено к 1662–1665 гг., когда шла война Лоджана с Сенге (см.: ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 2 об. – 5 об.).
- ⁶⁰ Копкоев К.Г. Присоединение Хакасии к России, с. 240–241; см. также: Памятники сибирской истории XVIII в., кн. 1, Спб., 1882, с. 245.
- ⁶¹ Подробнее о строительстве Абаканского острога см.: Быконя Г.Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. – В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 3, с. 20–25.
- ⁶² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 11 об., 12.
- ⁶³ Там же, л. 14 об., 18.
- ⁶⁴ Там же, л. 39.
- ⁶⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 5 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 1059, л. 40 об. (рапорт Конона Самсонова, присланный 1707 г. «декабря в 14 день»). Расстояние от острога до устья р. Абакан дано в старых верстах, которые в 2 раза превышают версты, введенные с 1721 г.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 13 об., 37, 22 об. Таким образом, в «острожном ставлении» приняло участие 972 чел., а не 1000, как считалось до сих пор (см.: Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913, с. 30; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в., с. 214; Арзыматов А.А. Из истории политических отношений..., с. 48). Г.Ф. Миллер в своем «Описании Красноярского уезда», составленном в феврале 1735 г., отмечал, что острог строили служилые люди четырех уездов в количестве 800–900 чел. (см.: ЦГАДА, ф. 199, порт. 526, ч. 2, д. 9, л. 19 об., на нем. яз.).
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 16.
- ⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1059, л. 16–16 об.
- ⁷⁰ Там же, л. 41 об.
- ⁷¹ Там же, л. 21 об.
- ⁷² Там же, д. 1658, л. 4 об.

- ⁷³ Там же. В своем прошении о записи в дворянство К. Самсонов назвал 8 улусов: Большой Байкотовский, Малый Байкотовский, Иржи, Богожаев, Ургулов, Шик, Кайбальский и Каяк.
- ⁷⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1658, л. 17 об., 43 об.
- ⁷⁵ Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма..., с. 6, 12–13; Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв., с. 139.
- ⁷⁶ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства, с. 342.
- ⁷⁷ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 165–168.
- ⁷⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2328, л. 8; ЛО ААН СССР; ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 238 (1718 г.).
- ⁷⁹ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 210–223, 245–282.
- ⁸⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1948, л. 23 (список с ясачной книги); ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 236–238.
- ⁸¹ История Тувы, т.1, с. 212. В Иркутской летописи записано, что этот «Тункинский на косогоре» острог построен в 1717 г. по указу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина (см.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн.1, с. 167, примеч.1). Это подтверждается доношением сибирского губернатора М.П. Гагарина царю Петру I от 16 марта 1717 г., где прямо сказано: «Тако ж, великий государь, и на Косоголе-озере крепость делать из Ркуцкого велел» (см.: Русско-китайские отношения в XVIII веке. – В кн.: Материалы и документы. Т. I. 1700–1725. М., 1978, № 138, с. 181).
- ⁸² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 23, л. 20.
- ⁸³ Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre. 1733–1743. Göttingen, 1752, t. 1, S. 508.
- ⁸⁴ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 207–209; д. 20, л. 228–229. На карте Н.А. Витсена, которой пользовались в Москве, верховья Енисея нанесены весьма неточно. Река «Канзара» (Кандара) на ней – это, скорее всего, Верхний Енисей (Улуг-Хем) (см.: ГИМ РО, № 6058, карта Н.А. Витсена, б/д).
- ⁸⁵ ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 208–209.
- ⁸⁶ Там же, д. 20, л. 228–229 об.; Русско-китайские отношения в XVIII веке, с. 181.
- ⁸⁷ ЦГАДА, ф. 241, оп. 5, д. 2328, л. 20; ЛО ААН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 238 об.
- ⁸⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 48 (ответ Красноярской воеводской канцелярии на пятый вопрос анкеты Г.Ф. Миллера). Г.Ф. Миллер в «Географическом описании Красноярского уезда», со-

ставленном на немецком языке, отмечает, что в строительстве острога участвовало 300 красноярских служилых людей. Время постройки острога – «1717 или 1718 гг.» И. Нашивошников назван «порутчиком». Именно с ним беседовал ученый в 1740 г. о поездках 1716–1717 гг. за Саяны и вывезенных с рч. Джакуль, что выше Хемчика, татарских письмах на 20 синих листах (см.: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 526, ч. 2, д. 9, л. 19). О встречах Г.Ф. Миллера с И. Нашивошниковым писал В.А. Ватин (см.: Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. ..., с. 32). Косвенные данные и сообщения некоторых авторов первой трети XIX в. тоже свидетельствуют, что Саянский острог основан позже 1709 г. В сохранившихся делах Красноярской воеводской канцелярии за 1709–1714 гг., и в том числе в нескольких челобитных наиболее видных красноярских служилых о пожаловании «за службы» в дети боярские и дворяне, нет упоминаний о строительстве Саянского острога в 1709 г. (см.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1657–1659, 1832, 1955, 2004, 2152). Е. Зябловский, не называя источник, относит основание острога к 1718 г. (см.: Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Спб., 1810, ч. 5, с. 31). П.А. Слобцов в первой книге о Сибири писал, что Саянский острог был построен в конце XVII в., но позже, перечисляя во второй книге остроги Красноярского уезда, счел необходимым ответить, что «по верным сведениям строились остроги: Абаканской – 1707, Саянской – 1718 гг.» (см.: Слобцов П.А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1, с. 115; кн. 2, с. 71, примеч. 1). Предыстория основания острога на Верхнем Енисее нашла отражение и в местной топонимии. Селение, возникшее во второй половине XVIII в. на месте, выбранном первоначально для строительства острога перед Саянами, назвали Означенное. Ныне это пос. Означенное, близ которого строится крупнейшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, порт. 481, тетр. 5, л. 48; ф. 1019, оп. 1, д. 36, л. 133; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788, ч. 3, кн. 1, с. 542.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 30, л. 6 об. – 7; д. 46, л. 17.

⁹¹ ЛО ААН СССР, ф. 21, д. 20, л. 230.

⁹² Там же, д. 20, л. 238 об.

⁹³ Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. – Науч. тр., М., 1959, т. 4, с. 121–123.

⁹⁴ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, с. 141, 358–363. Приложение.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 1019, оп. 1, д. 54, л. 1–20.

Научное издание

Геннадий Федорович Быконя
ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В XVIII в.

Монография

*2-е издание, дополненное,
осуществленное по первой авторской редакции*

Редактор М . А . И с а к о в а
Корректор Ж . В . К о з у п и ц а
Верстка М . Л . Г у к а й л о

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 28.05.13. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 21,75. Заказ 7

ИПК КГПУ, т. 263-95-59